

Самоубійство профессора Л. Л. Тове.

Адриановъ.

Вчера, около 12 часовъ дня, въ профессорской комнатѣ главнаго корпуса Технологическаго Института, выстрѣломъ изъ револьвера въ ротъ покончилъ свои счеты съ жизнью экстраординарный профессоръ Технологическаго Института по кафедрѣ горнаго искусства, горный инженеръ Левъ Львовичъ Тове. Таковъ голый фактъ, записанный въ хронику мѣстной жизни вчерашняго дня и поразившій своей полной неожиданностью коллегію профессоровъ и студентовъ. Обстановка, въ которой произошло это печальное событіе, не даетъ никакихъ для него объясненій.

Съ утра 17 января у Л. Л. Тове въ горномъ корпусѣ происходили предметные экзамены; проэкзаменовавъ къ 10 часамъ троихъ студентовъ и поставивъ имъ по пятеркѣ, онъ перешелъ затѣмъ въ главный корпусъ, гдѣ, въ присутствіи комиссіи изъ профессоровъ, происходила защита дипломныхъ работъ двумя оканчивающими институтъ по горному отдѣленію студентами. По окончаніи защиты однимъ изъ студентовъ, Л. Л. Тове удалился въ профессорскую комнату и здѣсь случайно былъ обнаруженъ кѣмъ то изъ зашедшихъ въ эту комнату преподавателей—сидѣвшимъ на диванѣ развалясь. Только окликнувъ Л. Л. и приблизившись къ нему, преподаватель убѣдился, что тутъ произошло. Пуля, прошившая черепъ, вызвала мгновенную смерть. Выстрѣла никто не слышалъ.

Бесѣды кое съ кѣмъ изъ окружающихъ Л. Л. Тове позволяютъ, намъ кажется, приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ принятое покойнымъ роковое рѣшеніе. Оно—въ условіяхъ нашей страшной, нестерпимой жизни.

Съ 1 го декабря минувшаго года Л. Л. Тове назначенъ былъ районнымъ уполномоченнымъ по топливу, т. е. на него взвалена была обязанность по обезмеченію топливомъ, минеральнымъ и древеснымъ, потребителей огромной части Сибири, начиная съ Акмолинской области и кончая Иркутской губерніей.

Огромная отвѣтственная работа, связанная, при нашемъ всеобщемъ разстройствѣ, съ невѣроятными затрудненіями, съ ежедневными

укорами и требованіями неудовлетворенныхъ потребителей, до такой степени издергала нервы уполномоченному, что онъ лишился отдыха, лишился сна. А когда близкіе ему люди совѣтовали ему отказаться отъ этой работы, то Л. Л. находилъ, что такъ поступить онъ не можетъ.

Какъ бы подтвержденіемъ этой нашей догадки служить и оставленная Л. Л. Тове записочка въ той же профессорской комнатѣ, гдѣ онъ разставался съ жизнью. Въ этой записочкѣ онъ уступалъ свое мѣсто человѣку болѣе твердому по характеру и желалъ ему счастливаго успѣха.

Безъ сомнѣнія въ ближайшіе дни сотрудники Л. Л., его друзья и ученики выяснятъ причины столь трагическаго конца, освѣтятъ и его дѣятельность, которой я хочу коснуться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Англичанинъ по происхожденію Л. Л. Тове въ 1894 году кончилъ въ Петроградѣ горный институтъ и вскорѣ по окончаніи его уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ по порученію горнаго департамента, производилъ въ районахъ Томской и Енисейской губерній и Приморской области статистико-экономическія изслѣдованія золотыхъ приисковъ, интересуясь, какъ знатокъ горнаго дѣла, и самою постановкою большого промысла. Ради этого онъ ѣздилъ даже и на Камчатку. Результаты этихъ изслѣдованій были имъ опубликованы въ большомъ трех-томномъ трудѣ. Эти изслѣдованія Л. Л. Тове обратили на себя вниманіе Вл. Аф. Обручева, начавшаго тогда читать лекціи по геологіи въ только что открытомъ технологическомъ институтѣ въ Томскѣ; по его инициативѣ Л. Л. Тове былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя горнаго искусства въ институтъ, а такъ какъ эта дисциплина начинается съ третьяго курса, то оставшійся срокъ между открытіемъ института и открытіемъ третьяго курса по инициативѣ, кажется, того же Обручева, былъ использованъ для командировки Л. Л. Тове въ Сѣверную Америку, съ цѣлью изученія тамъ (въ Калифорніи и др. районахъ) постановки золотого промысла.

Съ 1902 года Л. Л. Тове началъ читать лекціи въ институтѣ по горному искусству, а лѣтніе мѣсяцы употреблялъ на поѣздки на Ленские промысла, на золотые рудники Томскаго горнаго округа, на Кочкарскую систему на Уралѣ, куда его приглашали, какъ эксперта по горному дѣлу.

Обладая феноменальной памятью, Л. Л. во всемъ, что касалось горнаго дѣла, былъ энциклопедистомъ.

Слишкомъ мягкій по характеру и неспособный отказать кому-либо въ просьбѣ онъ былъ особенно дорогъ студентамъ. Достаточно сказать, что съ основанія технологическаго института и до сего дня всѣ кончавшіе институтъ по горному отдѣленію студенты, были его учениками, такъ какъ онъ, главнымъ образомъ, руководилъ ихъ дѣ-

ломными работами, изъ этихъ учениковъ болѣе ста человекъ устроены Л. Л. Тове на мѣстахъ, благодаря его огромнымъ связямъ и знакомству. Всѣ эти бывшіе ученики Л. Л. Тове особенно почувствуютъ остроту утраты, незамѣнимой, какъ для нихъ, такъ еще больше для будущихъ питомцевъ института.

Миръ его праху.

Къ ученикамъ Л. Л. Тове.

Проф. М. Усовъ.

Въ лучшей мѣрѣ ушелъ отъ насъ нашъ общій съ основанія горнаго отдѣленія томскаго технологическаго института руководитель по горному дѣлу въ Сибири Левъ Львовичъ; ушелъ, надломленный тою грозой, которая уже третій годъ бушуетъ на пространствахъ стараго свѣта и прямо или косвенно унесетъ еще много жертвъ; съ своимъ мягкимъ дѣтски незлобивымъ характеромъ, склонный лишь къ мирному сотрудничеству въ культурной работѣ на пользу своей второй родины, но не нашедшій возможнымъ уклониться отъ непосильной работы текущаго момента, онъ сжался отъ холоднаго дуновенія суровой дѣйствительности, и... поникъ.

Мы, ученики покойнаго, должны остро почувствовать невознаградимую для нашего дѣла потерю въ лицѣ Льва Львовича: къ нему смѣло можно было обращаться за разрѣшеніемъ какого угодно труднаго вопроса изъ области горнаго искусства и рудничнаго хозяйства; онъ лично былъ знакомъ со всѣми горными предпріятіями нашего обширнаго края и посѣтилъ наиболѣе замѣчательныя горнозаводскія учрежденія почти всѣхъ странъ. Возможно, что многіе не знали, какую энциклопедію горнаго дѣла представлялъ Левъ Львовичъ, по чрезвычайной скромности характера своего не стремившійся проявлять свои знанія; но, лица, близко стоявшія къ нему, живо сознаютъ, что съ нимъ высшая горная школа въ Сибири потеряла человека, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ.

Затѣмъ, будучи тѣсно связанъ съ горною промышленностью Сибири и имѣя громадное знакомство въ горнопромышленномъ мѣрѣ, Левъ Львовичъ все свое вліяніе употреблялъ на предоставленіе студентамъ горнаго отдѣленія института лѣтней необходимой для развитія горнаго инженера практики, а окончившимъ институтъ ученикамъ своимъ находилъ мѣста и постоянно слѣдилъ за ними въ ихъ практической дѣятельности. Безъ преувеличенія можно сказать, что до 50% товарищей нашихъ обязаны ему своимъ положеніемъ, и вѣсть о смерти руководителя должна ихъ поразить ея неожиданностью, ея преждевременностью.

Въ настоящее тяжелое время мы привыкли ко многимъ потерямъ, и трудно чѣмъ-либо насъ удивить, но съ этою смертию не легко примириться. Пусть память о Левѣ Львовичѣ постоянно живетъ среди насъ, и, какъ вѣнокъ на могилу его, принесемъ обѣщаніе поддерживать то дѣло, которому онъ служилъ всю свою полную труда жизнь!

Памяти Льва Львовича Тове.

Отъ горной секціи студенческаго кружка.

17 января 1917 года безвременно ушелъ отъ насъ въ вѣчность нашъ уважаемый и любимый профессоръ Л. Л. Тове.

Студенты горнаго отдѣленія повесили въ его лицѣ чрезвычайно тяжелую утрату.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы, ученики Льва Львовича, не будемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго передъ наукой и обществомъ, а хотѣли бы только выразить тѣ чувства, какія питали къ нему студенты и за что его цѣнили.

• Въ лицѣ Льва Львовича мы потеряли не только профессора, обладавшаго обширнѣйшими познаніями, но потеряли также человѣка, въ высшей степени отзывчиваго на всѣ наши нужды. Левъ Львовичъ завсезалъ всеобщую любовь и уваженіе со стороны его учениковъ благодаря своему сердечному, истинно человѣческому отношенію ко всѣмъ, кому приходилось къ нему обращаться. Его доступность, деликатность, безпристрастность и отзывчивость навсегда осязательна по себѣ свѣтлую память.

Какъ профессоръ, Л. Л. былъ для насъ необходимымъ, связующимъ звеномъ между теоретической школой и практической дѣятельностью. Студенты всегда могли обратиться къ Л. Л. по поводу каждаго затрудненія. Это особенно чувствовалось въ вопросахъ, связанныхъ съ лѣтными практическими работами, т. к., благодаря своей широкой освѣдомленности о всѣхъ русскихъ горнопромышленныхъ предприятияхъ, онъ могъ лучше всѣхъ подготовить студентовъ передъ отъездомъ на лѣтную практику.

Въ качествѣ предсѣдателя горной секціи, Л. Л. являлся дѣятельнымъ руководителемъ различныхъ научно техническихъ работъ и начинаній студенчества, выходящихъ изъ рамокъ официальной институтской программы. У многихъ навсегда останутся въ памяти его интересные и содержательныя выступленія на докладахъ и собесѣдованіяхъ въ засѣданіяхъ горной секціи. Вообще Л. Л. много содѣйствовалъ развитію дѣятельности студенческаго технического кружка.

Благодаря обширнымъ знаніямъ онъ много способствовалъ свои-

ми указаниями рациональному пополнению библиотеки кружка. Многие книги и журналы получались библиотекой бесплатно, благодаря знакомству Л. Л. с авторами и издателями.

В бытность свою деканом горного отделения Л. Л. своими ясными и определенными разъяснениями всегда умел помочь студенту разобраться в сложной и громоздкой институтской программѣ.

В покоемъ всегда чувствовалось, наряду со стремлением облегчить прохождение учебного курса, также желание поставить подготовку горных инженеровъ въ томскомъ институтѣ на такую высоту, чтобы ихъ авторитетность была не меньше столичныхъ инженеровъ.

Вообще практическую подготовку будущихъ горныхъ дѣятелей Л. Л. считалъ своей первой задачей, и это является его главной заслугой, но мы не должны забывать также его широкой научно-общественной дѣятельности, выразившейся въ его постоянномъ участіи въ промышленно-техническихъ сѣздахъ и предприятияхъ.

Память о Л. Л. должна навсегда остаться въ томскомъ технологическомъ институтѣ, и горная секція студенческаго технического кружка, единодушно признавъ, что лучшимъ способомъ увековѣченія его памяти было бы учрежденіе стипендіи его имени въ томскомъ технологическомъ институтѣ, занята въ настоящее время выясненіемъ способовъ осуществленія этой мысли.

Памяти Л. Л. Тове.

Д. Стрѣльниковъ.

Въ лицѣ Л. Л. Тове Сибирь лишилась человѣка, который лучшіе годы своей жизни посвятилъ ей. Послѣдніе пятнадцать лѣтъ онъ неустанно преслѣдовалъ одну цѣль: обезпечить по мѣрѣ силъ и возможности горную промышленность Сибири горнотехническимъ персоналомъ.

Мнѣ, какъ его ученику, невольно сейчасъ вспоминаются студенческие мои годы, когда я и мои товарищи предъ наступленіемъ весны и лѣта смѣло стучались въ двери кабинета своего учителя; мы просили его устроить насъ съ „практикой“ на лѣто, нуждающіеся изъ насъ просили объ исходатайствованіи вспомошествованія въ томъ или иномъ размѣрѣ. И онъ всѣмъ, насколько это было возможно и отъ него лично зависѣло, старался оказать всяческое содѣйствіе, проявляя въ такихъ случаяхъ прямо таки отеческую о насъ заботливость... Отъѣзжающимъ на лѣтнія практическія работы онъ давалъ безконечные напутственные совѣты, всегда прямо или косвенно подчеркивая особо важное значеніе въ будущей нашей работѣ знакомства съ горнымъ дѣломъ на мѣстѣ.

Мнѣ лично пришлось быть, кромѣ того, свидѣтелемъ тому, какъ •

много участія, работы и инициативы вносилъ Л. Л. въ дѣло организаціи средняго и низшаго горнаго образованія въ Сибири. Вскорѣ послѣ окончанія института я былъ приглашенъ преподавателемъ въ здѣшнее, тогда еще коммерческое училище. Въ то время только что зародилась мысль о созданіи вмѣсто коммерческаго училища совершенно новаго въ Россіи типа средней школы—политехническаго училища съ нѣсколькими отдѣленіями. На протяженіи семи слишкомъ лѣтъ я неоднократно видѣлъ Л. Л. въ стѣнахъ нашего училища, онъ принималъ самое дѣятельное участіе сначала въ разработкѣ самаго законопроекта о преобразованіи этого училища въ политехническое, а затѣмъ и въ дѣлѣ организаціи его. Особенно, конечно, его интересовало горное отдѣленіе этого училища, которое до сихъ поръ остается единственной средней горной школой на всю Западную Сибирь, и надо сознаться, что ни одинъ сколько-нибудь серьезный вопросъ, касающійся этого отдѣленія, не разрѣшался безъ предварительнаго обсужденія его при участіи Л. Л. Слово совѣта, личное участіе въ работѣ, ходатайство за школу на сторонѣ—все это дѣлалось охотно, по первому зову. Къ настоящему моменту, когда дѣло оборудованія горнаго отдѣленія почти закончено, я на Рождествѣ еще условился съ Л. Л., что онъ не дальше, какъ на масляной недѣлѣ, посѣтитъ всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, обслуживающія отдѣленіе, но этому не суждено было осуществиться...

Въ началѣ прошлаго года возникаетъ мысль объ открытіи техническихъ курсовъ товариществомъ профессоровъ и преподавателей, Л. Л. поддерживаетъ необходимость открытія при нихъ горнаго отдѣленія и для тѣхъ, кто вышелъ уже изъ школьнаго возраста, или, работавъ въ горномъ дѣлѣ на низшихъ должностяхъ, хотѣлъ бы пополнить свое горнотехническое образованіе.

Поступаетъ въ общество сибирскихъ инженеровъ предложеніе попечителя западно-сибирскаго учебнаго округа обсудить вопросъ объ организаціи профессиональнаго образованія въ Сибири. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разработкѣ этого вопроса вообще и въ особенности въ той его части, которая касается любимаго имъ горнаго дѣла.

Насколько важное значеніе придавалъ Л. Л. поднятію общаго культурнаго и профессиональнаго развитія въ средѣ горнорабочихъ, слѣдуетъ изъ того, что онъ неоднократно возбуждалъ этотъ вопросъ, привѣтствовалъ зародившуюся было мысль объ организаціи курсовъ горныхъ десятниковъ при политехническомъ училищѣ и не дальше, какъ по пріѣздѣ въ послѣдній разъ изъ Петрограда, онъ настаивалъ на организаціи хотя бы временныхъ курсовъ для рабочихъ въ одномъ изъ крупныхъ центровъ нашей каменноугольной промышленности.

Сейчасъ, когда еще не хочется вѣрить, что его нѣтъ среди насъ, трудно сказать, сколько еще осталось неисполненнаго изъ того, что

имъ намѣчалось для развитія горнаго дѣла въ Сибири, но и того, что онъ сдѣлалъ для этого дѣла, достаточно, мнѣ думается, чтобы имя его не исчезло безслѣдно изъ исторіи развитія горнаго дѣла въ Сибири. Онъ очень много способствовалъ въ качествѣ члена общества сибирскихъ инженеровъ тому, что это общество исполняло одну изъ своихъ прямыхъ задачъ: приблизить науку къ жизни,—и лучшимъ увѣковѣченіемъ его памяти будетъ, если это о-во приведетъ въ исполненіе состоявшееся постановленіе правленія—создать капиталъ имени Л. Л. Тове, проценты съ котораго ежегодно выдавались бы обществомъ студентамъ мѣстнаго института, вѣдущимъ на лѣтнія практическія работы на заводы, рудники или фабрики. Общество этимъ отмѣтило бы посильно научно-общественную дѣятельность Л. Л. и особенно цѣнное въ преждевременно ушедшемъ отъ насъ душевное качество: безконечную любовь къ подрастающему поколѣнію. Надо надѣяться, что ученики его, друзья и промышленный міръ создадутъ достойное его имени и заслугъ передъ краемъ.

Храня самыя свѣтлыя воспоминанія о Л. Л., я лишній разъ скажу вмѣстѣ съ другими: да будетъ легка земля тебѣ, дорогой учитель!

Л. Л. Тове.

Проф. П. Гудковъ.

Прошло уже нѣсколько дней со смерти Льва Львовича Тове, а все еще трудно собраться съ мыслями, еще въ безпорядкѣ смѣняются другъ друга дорогія воспоминанія. Но все же хочется мнѣ дополнить нѣсколькими штрихами тотъ образъ, что такъ тепло и любовно обрисованъ въ посвященныхъ покойному замѣткахъ его знакомыхъ и учениковъ.

„Для пользы дѣла долженъ посторониться“—такъ объяснилъ намъ Левъ Львовичъ свое рѣшеніе покинуть насъ; и въ этихъ словахъ отразилъ онъ свою наиболѣе характерную черту. Да, онъ всегда старался уступить свое мѣсто другимъ, всегда склоненъ былъ думать, что другіе лучше и достойнѣе его. Мудрено ли, что при такой чрезвычайной скромности онъ даже сравнительно близкими людьми оставался во многихъ отношеніяхъ недостаточно оцѣненнымъ?

Такъ, теперь, конечно, многіе знаютъ, что въ своей специальности Левъ Львовичъ былъ очень виднымъ авторитетомъ. Но я почти увѣренъ, что далеко не всѣ представляютъ себѣ значеніе его даже и въ этомъ отношеніи, не предполагаютъ, что кафедра горнаго искусства въ томскомъ технологическомъ институтѣ, главнымъ предметомъ которой намѣчалось золотое дѣло, безъ Льва Львовича въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставалась бы незамѣщенной, что Левъ Львовичъ

былъ тогда не только достойнѣйшимъ, но единственнымъ на всю Россію кандидатомъ на эту кафедру, и что золотое дѣло, какъ самостоятельный предметъ горнотехническаго образованія, у насъ, въ Россіи, создано имъ—Львомъ Львовичемъ. Между тѣмъ, это несомнѣнно такъ. До девятисотыхъ годовъ горныхъ инженеровъ въ Сибири и вообще было очень мало, а на службѣ въ золотопромышленныхъ предприятияхъ ихъ врядъ ли насчитывалось болѣе десяти. Но и эти немногіе не такъ близко стояли къ технику золотого дѣла, занимая почти исключительно высшія административныя должности. То же можно сказать и о другихъ горнопромышленныхъ районахъ нашего отечества: Да иначе и быть не могло: единственная на всю Россію высшая горная школа—Петроградскій горный институтъ,—выпускала иногда пятьдесятъ, или немного больше инженеровъ въ годъ. Въ программѣ горнаго искусства въ этомъ институтѣ главное вниманіе обращалось на технику разработки каменноугольныхъ и рудныхъ мѣсторожденій, а золотому дѣлу удѣлялось нѣсколько страницъ. Словомъ, ни въ состояніи золотопромышленности, ни въ постановкѣ высшаго горнотехническаго образованія не было тогда условій, позволявшихъ обстоятельно и всесторонне изучить золотое дѣло. Но тѣ исключительныя качества—любопытность и настойчивость, какія, по словамъ учителей и школьныхъ товарищей Льва Львовича, отличали его еще во время пребыванія въ горномъ институтѣ, помогли ему преодолѣть всѣ препятствія. И черезъ какихъ-нибудь три года по окончаніи высшей школы, когда онъ началъ свои систематически-экономическія изслѣдованія въ южно-енисейскомъ горномъ округѣ и когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже такимъ знатокомъ избранной специальности, что произвелъ, помню, колоссальное впечатлѣніе на многихъ видныхъ практиковъ, служившихъ тогда на приискахъ Южно-Енисейской тайги и до этого относившихся къ созданіямъ горныхъ инженеровъ въ золотопромышленной техникумъ весьма скептически.

Далеко не всѣ, я увѣренъ, также, ясно представляли себѣ и цѣнныя качества Льва Львовича, какъ профессора Томскаго технологическаго института. Правда, всѣ знали, что благодаря обширному знакомству и связямъ въ горнопромышленномъ мѣрѣ, онъ всегда имѣлъ у себя массу предложеній и для студентовъ, и для инженеровъ. Но однимъ этимъ далеко еще не исчерпывалось его значеніе для горнаго отдѣленія нашего института: онъ старался устроить своихъ учениковъ, соотвѣтственно наклонностямъ и способностямъ cadaго изъ нихъ, внимательно слѣдилъ за ихъ уже инженерскою дѣятельностью и по тѣмъ затрудненіямъ, какія встрѣчали они при выполненіи встававшихъ передъ ними практическихъ задачъ—стремился подмѣтить пробѣлы и недочеты въ существующей у насъ постановкѣ преподаванія. Нельзя не отмѣтить также, что черезъ по-

средство Льва Львовича у нашего горнаго отдѣленія установилась связь съ высшими горными школами Америки, и нѣсколько молодыхъ инженеровъ, командированныхъ туда отъ насъ, могутъ сказать, что карточка Тове открывала имъ доступъ ко многимъ виднѣйшимъ авторитетамъ ученаго міра заатлантической республики и всюду обезпечивала внимательный радушный пріемъ.

Совершенно исключительную величину представлялъ Левъ Львовичъ и въ отношеніи своей освѣдомленности. Въ одной изъ замѣтокъ о немъ было отмѣчено, что онъ являлся какъ бы живой энциклопедіей горнаго дѣла. Но чтобы выяснитъ истинный смыслъ этого справедливаго и мѣткаго замѣчанія, надо сказать, что Левъ Львовичъ не только былъ прекрасно знакомъ со всѣми горнопромышленными предприятиями нашего отечества, но могъ всегда привести исчерпывающія данныя по исторіи этихъ предприятий, безошибочно перечисляя всѣ относящіяся къ каждому данному случаю хронологическія даты, имена, географическія названія и т. п. Однако, и съ такими поясненіями характеристика эрудиціи Льва Львовича будетъ неполной, если не сказать, что освѣдомленность его выходила далеко за рамки его прямой специальности. Мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, напримѣръ, что Левъ Львовичъ былъ въ курсѣ текущей геологической литературы, отчетливо помнилъ всѣ путешествія, предпринимавшіяся въ различные уголки Сибири, ясно представлялъ себѣ задачи этихъ путешествій и очень умѣло, въ немногихъ словахъ, могъ охарактеризовать ихъ результаты. А кому пришлось хотя бы разъ видѣть Льва Львовича въ кругу его близкихъ друзей, когда онъ отрѣшался отъ своей обычной застѣчивости, тотъ, я твердо увѣренъ, навсегда запечатлѣлъ въ памяти его живую образную рѣчь, пересыпанную мѣткими сравненіями и примѣрами изъ русской, западно-европейской и древней исторіи, изъ классической и новѣйшей литературы и даже изъ Библии. И было бы ошибочно думать, что въ огромныхъ и разностороннихъ познаніяхъ своихъ Левъ Львовичъ былъ обязанъ только своей удивительной памяти и тому, что онъ исколесилъ вдоль и поперекъ нашу Сибирь, побывалъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. Нѣтъ, главное здѣсь надо видѣть въ другомъ: принимая на себя какую бы то ни было задачу, онъ подходилъ къ ней лишь послѣ обстоятельной подготовки и ни одно дѣло не могъ исполнять иначе, какъ изо всѣхъ силъ. Таковъ онъ былъ и въ своей послѣдней работѣ. Я знаю, онъ долго колебался занять предложенное ему мѣсто районнаго полномоченнаго по топливу и согласился въ концѣ концовъ, я думаю, только по мягкости своего характера, да потому, что не считалъ себя вправѣ уклониться отъ столь важной, въ данный моментъ работы. А согласившись, онъ не допускалъ возможности отказа и, когда убѣдился, можетъ быть, что при всемъ горячемъ желаніи онъ не въ силахъ преодолѣть нѣкоторыя препятствія, что на сотни телеграммъ

съ просьбами, требованіями и, возможно, упреками онъ можетъ реагировать только муками своего добраго сердца, онъ нашелъ себѣ лишь одинъ выходъ—„посторониться“.

Льву Львовичу Жове.

Н. Пеннъ.

Въ замѣткахъ, посвященныхъ памяти Льва Львовича, съ достаточной полнотой обрисованы его друзьями и знакомыми черты обаятельной личности покойнаго, его выдающаяся эрудиція и колоссальное знаніе Сибири, а также охарактеризована въ общихъ чертахъ его дѣятельность. Я хочу отмѣтить еще нѣкоторые факты, позволяющіе, какъ мнѣ кажется, составить болѣе полное представленіе о заслугахъ Льва Львовича передъ горнымъ отдѣленіемъ Томскаго технологическаго института, являющагося до сихъ поръ единственной высшей технической школой въ Сибири. Въ своемъ стремленіи создать кадръ практическихъ работниковъ, могущихъ вести самостоятельныя изслѣдованія способовъ обработки рудъ нашей обширной Сибири, Левъ Львовичъ многократно поднималъ вопросъ относительно организациіи соответствующей специальной лабораторіи, и по его настоянію этотъ вопросъ недавно получилъ, наконецъ, практическее осуществленіе; и теперь вдвойнѣ тяжело сознавать, что не суждено Льву Львовичу видѣть результатовъ его стремленій.

По предложенію проф. В. Я. Мостовича, слѣдовало бы посвятить эту лабораторію имени Льва Львовича. Правда, у насъ это какъ-то не принято, но въ Соединенныхъ Штатахъ большая часть аналогичныхъ лабораторій носитъ имя ея основателя, и, мнѣ кажется, практически такое предложеніе легко осуществимо. Эта память была бы хотя посмертнымъ вознагражденіемъ тѣхъ трудовъ, какіе вложены Львомъ Львовичемъ въ организацию лабораторіи по обогащенію рудъ.

Надо указать еще на библіотеку при горномъ кабинетѣ, которой Томскій институтъ можетъ гордиться. Эта библіотека всецѣло обязана Льву Львовичу. О ея полнотѣ можно судить по тому, что она не уступаетъ горной библіотекѣ при бостонскомъ технологическомъ институтѣ, извѣстномъ далеко за предѣлами Америки.

Находясь всегда въ контактѣ съ теоретическими и практическими дѣятелями, Левъ Львовичъ оставилъ о себѣ свѣтлыя воспоминанія не только въ различныхъ уголкахъ своей родины. Въ Англии и Америкѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ людьми, лично помнящими пребываніе Льва Львовича за границей, и я скажу, что эти бесѣды

значительно скрашивали холодную, дѣловую обстановку и переносили мысленно въ далекую Сибирь.

Дѣятельное участіе принималъ Левъ Львовичъ въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ, и намъ, какъ членамъ общества сибирскихъ инженеровъ, онъ былъ особенно близокъ. Редакціонный комитетъ „Вѣстника Общества“ по инициативѣ проф. П. П. Гудкова рѣшилъ посвятить памяти покойнаго одинъ изъ ближайшихъ номеровъ.

Особенно тяжело эта невознаградимая потеря чувствуется нами, его сотрудниками по институту. Осиротѣло горное отдѣленіе, и не откроется уже дверь въ кабинетъ Льва Львовича, всегда гостеприимно встрѣчавшаго каждого приходящаго за совѣтомъ. А къ Льву Львовичу, вѣдь шли за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ не только студенты, бывшіе ученики или товарищи съ мѣстъ, но и промышленники, и всегда внимательно Левъ Львовичъ выслушивалъ всѣхъ, вникалъ въ дѣло каждого часто съ такой глубиной, какъ будто это было его собственное, родное дѣло, и каждый уходилъ удовлетвореннымъ, зная, что совѣтъ Льва Львовича поможетъ ему.

Памяти Л. Л. Тове.

Адриановъ.

Не только близкія покойному лица, но сколько-нибудь знавшія его, соприкасавшіяся съ нимъ находятся въ эти дни подъ сильнымъ впечатлѣніемъ рокового конца жизни, столь цѣнной и нужной.

Такъ или иначе, сила этого впечатлѣнія выльется и оставитъ замѣтный слѣдъ и въ печати, и въ реализаціи памяти о дорогомъ покойномъ.

Мнѣ хотѣлось бы прибавить теперь же одинъ штрихъ къ этой памяти, одинъ цвѣточекъ къ его терновому вѣнку. Сколько разъ, говорилъ мнѣ П. И. Макушинъ, заходилъ ко мнѣ въ магазинъ Л. Л. Тове для передачи то 25 руб., то 50 руб. на какую-нибудь нужду, о которой онъ узнавалъ, и всякій разъ, передавая деньги, просилъ не связывать ихъ въ отчетахъ съ его именемъ.

Узнавъ о возникновеніи осенью минувшаго года „Общества содѣйствія устройству разумныхъ развлеченій въ селахъ и деревняхъ Томской губерніи“, Л. Л. Тове явился къ П. И. Макушину съ заявленіемъ, что онъ сочувствуетъ подобной организаціи, и вноситъ на ея нужды пятьсотъ рублей, но только съ однимъ условіемъ, чтобы нигдѣ не было указано, что эти деньги даны имъ.

— Но какъ же я долженъ показать поступленіе такой крупной суммы по отчету, спросилъ П. И. Макушинъ.

— А запишите просто отъ „неизвѣстнаго“, — былъ отвѣтъ.

Условіе было принято и до настоящей минуты хранилось въ тайнѣ.

Сопоставляя съ этимъ фактъ нахожденія въ ящикѣ стола Л. Л. Тове, послѣ его смерти, 5 р. 50 коп. и 18 руб. въ кошелекѣ, находившемся при немъ, и его долгъ въ товарищескую кассу при институтѣ въ нѣсколько сотъ рублей, и зная, что онъ, при очень скромной жизни, довольно много получалъ, нельзя не увидѣть, какимъ рѣдкой доброты и благородства сердцемъ обладалъ покойный.

Не помню, кто мнѣ передавалъ, но я слышалъ, что по его злополучной новой должности районнаго уполномоченнаго по топливу онъ призналъ назначенное ему жалованье чрезмѣрно большимъ и самъ ограничилъ его размѣры.

У свѣжей могилы.

Вл. Бахъ.

„Для пользы дѣла долженъ постараться и передать его болѣе въ твердыя руки. Желаю успѣха,—чтобы шло быстрее“.

Таково содержаніе записки, оставленной проф. Л. Л. Тове.

Надо вдуматься въ эти предсмертныя слова и по настоящему, оглядѣться вокругъ.

Тогда поймемъ, что передъ нами необычная смерть надорваннаго жизненными буднями человѣка.

Мы поймемъ, что здѣсь цѣлая драма гражданина, знающаго только одинъ выходъ изъ трагически складывавшейся обстановки: со щитомъ, или на щитѣ.

Друзья и ученики покойнаго приподняли передъ обществомъ занавѣсъ надъ печальнымъ событіемъ.

Это былъ мягкій, отзывчивый, доступный всѣмъ человѣкъ и ученый, пользовавшійся всеобщимъ признаніемъ и любовью.

Умри онъ такъ, какъ умираютъ сотни общественныхъ дѣятелей, память о немъ сохранилась бы надолго въ сердцахъ его близкихъ и всѣхъ, кто такъ или иначе подходилъ къ нему.

Но эта смерть, внезапно принятая имъ, смерть на посту—проливаетъ особо яркій свѣтъ на личность покойнаго, окружая его ореоломъ подвижничества, вознося самое имя его предъ лицомъ современниковъ.

Ему было передано отвѣтственнѣйшее дѣло. Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ успѣшнаго разрѣшенія задачъ, выпавшихъ на его долю, зависѣла судьба хозяйственной жизни огромной территории и, быть можетъ, самое нормальное теченіе дѣлъ, имѣющихъ государственную важность.

Сознавалъ-ли покойный, какая работа взваливалась на его плечи? Не только сознавалъ, но и все время остро переживалъ, „лишившись подъ конецъ сна и отдыха.“

Онъ „не нашель возможнымъ уклониться отъ непосильной работы“.

И это былъ первый его шагъ на тернистомъ пути долга.

Глубокое органическое разстройство хозяйственной жизни, безчисленные тормазы на каждомъ шагу, общее подавленное правосознание въ общественной средѣ, упорное нежелание считаться съ повелѣніями роковымъ образомъ складывающагося хода вещей,—вотъ та пучина времени, въ которую заглянувъ, нельзя не проникнуться страхомъ.

„Боже мой, да минеть меня чаша сія“!

Покойный, какъ передають, не сразу, не безъ мучительныхъ колебаній, принялъ поднесенную ему чашу...

Но, однажды принявъ, испилъ ее до дна.

Выронилъ изъ рукъ, умирая.

Не всѣ разглядятъ и поймутъ его, прожившаго полвѣка и вдругъ отвернушагося отъ жизни, чтобы... „посторониться“!..

Вдумайтесь, читатель, въ смыслъ этого простого слова: „посторониться“.

Отъ кого за послѣдніе, грозные, небывалые въ исторіи годы мы это слышали и слышали-ли вообще до того?

Вереницы лицъ государственной жизни прошли передъ нами.

Съ легкостью чрезвычайно всходили и сходили они по ступенямъ большой лѣстницы, едва касаясь тяжелой булавы долга, въ самомъ движеніи своемъ не скрывая жалкихъ вождельній пустого сердца.

О, всѣ они не страдали бессонницей, не лишались отдыха, не бѣжали утѣхъ жизни.

И ихъ никто никогда не упрекнетъ въ излишней мягкости характера, въ нервозности, въ роковомъ недугѣ сомнѣній.

Большіе и малые, въ разныхъ положеніяхъ и рангахъ, стояли и стоятъ безтрепетные и безстрастные.

Раздался этотъ выстрѣлъ... Развѣ его услышать тамъ?

Они глухи отъ рожденія, и эхо выстрѣла не дойдетъ къ нимъ.

Но всѣ, кому дорога родина, кто знаетъ великую цѣну искупленія,—развѣ не слышали?..

Еще одна жертва долга...

Да будетъ она благословенна, да не омрачитъ она нашего сознанія.

Не безвѣріе, не слабость здѣсь мы наблюдаемъ, но—силу, но—мужество искреннѣйшаго члена общества.

Общество вправѣ гордиться такими: въ нихъ наша совѣсть, наша сила, наша вѣра въ будущее.

Мы можемъ мучительно страдать надъ свѣжею безвременною могилою.

Но мы не должны забывать, подъ тяжестью горя, что велика, непобѣдима, свѣтла сила русской общественности, рождающей на нашихъ глазахъ, въ наши дни, мучениковъ-героевъ.

Пусть отойдутъ прочь спокойные, самодовольные, не знающіе страха передъ долгомъ, — общество, опирающееся на народную волю, общество умѣющее умирать, создаетъ неслыханныя чудеса, претворяя пустыню въ цвѣтущей садъ.

Рѣчь директора Томскаго Технологическаго Института И. И. Бобарыкова.

на первомъ, послѣ смерти Л. Л. Тове, засѣданіи Совѣта Института.

Гг. члены Совѣта.

Совѣтъ Института понесъ тяжелую утрату—скончался нашъ товарищъ Левъ Львовичъ Тове.

Слишкомъ свѣжа еще могила, не прошло еще потрясеніе отъ этой трагической смерти, чтобы можно было оцѣнить всю тяжесть потери. Открывая это. первое послѣ кончины Льва Львовича, засѣданіе я считаю, все-же, своимъ долгомъ хотя въ двухъ словахъ почтить память покойнаго.

Ушелъ отъ насъ многолѣтній сотрудникъ, работавшій при созданіи и развитіи нашего Института—первой высшей технической школы въ Сибири. Прекрасное знакомство Л. Л. съ этимъ обширнымъ и богатымъ краемъ представляло для насъ чрезвычайную цѣнность, указанія и совѣты покойнаго во всемъ, что касалось Сибири и многообразныхъ особенностей ея, были незамѣнимо дороги. Знающій и внимательный профессоръ, Л. Л. былъ въ тоже время и замѣчательнымъ товарищемъ. Весьма скромный въ отношеніи къ себѣ, онъ всегда замѣчалъ и подчеркивалъ даже незначительныя достоинства въ другихъ. Честный, прямолинейный, пунктуальный въ исполненіи своихъ обязанностей, Л. Л. былъ весьма снисходителенъ къ своимъ соработникамъ, всегда готовъ былъ помочь своимъ совѣтомъ и содѣйствіемъ.

И студенчество Института, какъ всегда,—болѣе чуткое по своей молодости, очень выразительно характеризовало Л. Л. надписью на вѣнкѣ, гдѣ на лентахъ были написаны всего два слова: „другу студенчества“.

Біографія Л. Л. Тове.

В. А. Обручевъ.

Левъ Ліонелевичъ Тове родился 23 ноября 1867 г. въ Лысьвенскомъ заводѣ на Уралѣ; отецъ его былъ великобританскій подданный Ліонель Тове, а мать Юлія Модестовна, урожденная Хирьякова.

Л. Л., по окончаніи Ришильевской гимназіи въ Одессѣ, поступилъ въ Петроградскій Университетъ на физико-математическій факультетъ, на которомъ пробылъ 2 года и въ 1888 перешелъ въ Горный Институтъ, который окончилъ въ іюнѣ 1894 г. по первому разряду и 8 іюня опредѣленъ на службу по Горному вѣдомству съ откомандированіемъ въ распоряженіе Управленія по сооруженію Сибирской жел. дороги въ Петроградъ, гдѣ пробылъ до весны 1895 года, когда былъ командированъ для исполненія обязанностей младшаго инженера по производству изысканій Амурской жел. дороги. По окончаніи изысканій, осенью былъ рѣшенъ вопросъ объ оккупациі Манчжуріи и постройка Амурской дороги отмѣнена, однако, Л. Л. пришлось задержаться въ Благовѣщенскѣ и только въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года Л. Л. выѣхалъ въ Петроградъ.

Въ связи съ сооруженіемъ желѣзнодорожнаго пути черезъ Сибирь производились геологическія изслѣдованія мѣстности, прилегающей къ линіи, а затѣмъ началось и изученіе золотосодержащихъ районовъ Сибири, какъ геологическое, такъ и статистико-экономическое и техническое, имѣвшее задачей выяснить положеніе золотопромышленности въ краѣ и дать матеріалъ для выработки мѣръ къ ея усиленію. Л. Л. съ самаго начала принялъ участіе въ этихъ работахъ и 7 мая 1897 года былъ командированъ въ качествѣ начальника партіи для производства статистико-экономическаго и техническаго изслѣдованія золотопромышленности въ Енисейской губ.; онъ лично объѣхалъ и изучилъ пріиски Южно Енисейской системы и результатомъ его работъ былъ изданный Комиссіей по изученію золотопромышленности въ Сибири въ 1899 г. отчетъ *).

Едва закончивъ рукопись этого труда Л. Л. Тове 3 марта 1898 г. былъ командированъ на два года въ Амурскую и Приморскую области въ качествѣ начальника партіи для такого же изслѣдованія золотопромышленности совмѣстно съ горнымъ инженеромъ В. Д. Рязановымъ и агрономомъ Д. В. Ивановымъ, съ первымъ Л. Л. работалъ въ Приморской обл., со вторымъ—въ Амурской и по возвращеніи съ дальняго востока въ Петроградъ занимался въ 1900—1901 г. г.

*) Л. Л. Тове и М. Ѡ. Горбачевъ. Отчетъ по статистико-экономическому и техническому изслѣдованію золотопромышленности южной части Енисейскаго округа. С.П.Б. 480 стр. съ 10 фог. табл. и 2 томами приложеній.

составленіемъ отчетовъ, изданныхъ той же комиссіей въ 1902—1905 г.г. **)

Такимъ образомъ, за три года полевыхъ работъ и два года обработки собранныхъ матеріаловъ, Л. Л. близко познакомился какъ съ мелкой такъ и крупной золотопромышленностью въ нѣсколькихъ большихъ районахъ Сибири развившейся въ разное время и при различныхъ экономическихъ условіяхъ въ мѣстностяхъ съ разнообразными условіями золотосности. Поэтому, когда съ осени 1901 г. въ Томскомъ Технологическомъ Институтѣ было открыто Горное отдѣленіе и объявленъ конкурсъ на занятіе кафедры по горному искусству, комиссія, оцѣнивавшая достоинства кандидатовъ, пожелавшихъ, занять эту кафедру, естественно отдала предпочтеніе Л. Л. Тове, какъ лицу, хорошо знакомому съ золотопромышленностью—отраслью горнаго дѣла, имѣющей наибольшее значеніе для Сибири. Л. Л. былъ избранъ въ отдѣленіи и Совѣтѣ и съ 6 сентября 1902 г. назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по кафедрѣ горнаго искусства въ Институтѣ.

Такъ какъ лекціи по горному искусству предстояло начать только съ осени 1903 г., когда открывался третій курсъ Горнаго Отдѣленія, то годъ, имѣвшійся въ распоряженіи Л. Л., былъ употребленъ послѣднимъ на основательную подготовку къ занятію кафедры; по ходатайству Института Л. Л. получилъ командировку въ Россію и за границу по 1 сентября 1903 г.; онъ посѣтилъ рядъ рудниковъ Урала и Юга Россіи, затѣмъ нѣкоторые рудники и высшія горныя школы Германіи, Бельгіи и Англии и наконецъ съѣздилъ въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ познакомился съ рядомъ горныхъ предпріятій преимущественно въ западныхъ штатахъ и съ горными отдѣленіями нѣкоторыхъ университетовъ. Цѣлью командировки было изученіе современной постановки преподаванія горнаго искусства, организациі музеевъ и лабораторій по горному дѣлу въ передовыхъ государствахъ и ознакомленіе съ современными успѣхами и состояніемъ горной промышленности въ лучшихъ предпріятіяхъ Европы и Америки. Знаніе съ дѣтства англійскаго языка позволяло Л. Л. извлечь изъ командировки въ Англию и Америку наибольшую пользу и пріобрѣсти въ горныхъ школахъ и на рудникахъ полезныя знакомства, съ которыми онъ позже поддерживалъ сношенія. Во время командировки Л. Л. заказалъ въ Фрейбургской горной академіи рядъ моделей по горному искусству для горнаго музея Института, а изъ Америки привезъ небольшую коллекцію рудъ, пожертвованную имъ въ геологическій музей Института.

Съ осени 1903 г. Л. Л. началъ читать лекціи по горному искусству и вскорѣ же былъ избранъ секретаремъ Горнаго Отдѣленія, ко-

**) Отчетъ по статистико-экономическому и техническому изслѣдованію золотопромышленности Амурско-Приморскаго района. т. I. Приморская обл. 374+255 стр. съ табл. и картами т. II. Амурская обл. часть 1, 389+321 стр. съ табл. и фот. снимками. часть 2, приложенія.

торымъ состоялъ почти 6 лѣтъ. Имѣя многочисленныя знакомства среди золотопромышленниковъ и горнопромышленниковъ, а также горныхъ инженеровъ на приискахъ и рудникахъ Сибири, Урала и Евр. Россіи, Л. Л. взялъ на себя весь трудъ по приисканію лѣтней практики для студентовъ Горнаго Отдѣленія, велъ переписку съ управленіями приисковъ, рудниковъ и заводовъ, распредѣлялъ студентовъ на платныя и бесплатныя мѣста практикантовъ, давалъ имъ инструкціи и указанія, получалъ отъ нихъ отчеты. Вообще вся организація и веденіе этого дѣла, необходимаго и важнаго для подготовки горныхъ инженеровъ, все время находилась въ его рукахъ и благодаря постояннымъ сношеніямъ его личная освѣдомленность о состояніи русской горной промышленности была очень велика.

Съ 1904 г. Л. Л. началъ читать на 4-омъ курсѣ „золотое дѣло“— предметъ совершенно новый, выдѣленный изъ общаго курса горнаго искусства въ виду его особой важности для сибирскихъ горныхъ инженеровъ и всецѣло разработанный Л. Л.; въ этотъ курсъ входилъ и общій очеркъ золотыхъ приисковъ и рудниковъ Сибири и Урала, развѣдка и разработка золотоносныхъ россыпей и жильныхъ мѣсторожденій, промывка песковъ и обработка рудъ, опробованіе и оцѣнка россыпей и жиль и т. д. На томъ же курсѣ Л. Л. читалъ еще „обогащеніе рудъ“, съ которымъ познакомился хорошо въ Сѣв. Америкѣ, а на пятомъ— „рудничное хозяйство“ и руководилъ общимъ и специальнымъ проектированіемъ студентовъ по горному искусству и золотому дѣлу. Кромѣ того Л. Л. постепенно создалъ горный музей и специальную бібліотеку при горномъ кабинетѣ, которой студенты при проектированіи и дипломныхъ работахъ могли пользоваться.

Слѣдя внимательно и за иностранной литературой по горному дѣлу, Л. Л. съ первыхъ же лѣтъ своей дѣятельности въ Томскомъ Технологическомъ Институтѣ мечталъ объ устройствѣ специальной лабораторіи по обогащенію рудъ, подобно существующимъ при нѣкоторыхъ высшихъ горныхъ учебныхъ заведеніяхъ Сѣв. Америки, т. е. лабораторіи, въ которой не только производится минералогическое и химическое изслѣдованіе рудъ, но и опыты механическаго раздѣленія минераловъ, слагающихъ сложную рудную массу, полученія концентратовъ руды того или иного состава, изученія получающихся отбросовъ съ цѣлью выясненія ихъ возможной утилизаціи, опыты съ такими количествами руды, которыя позволяютъ дѣлать не только теоретическія, но и практическія заключенія о примѣнимости того или другого способа. Л. Л. прекрасно зналъ, какую громадную пользу подобныя лабораторіи приносятъ горному дѣлу въ Соед. Штатахъ и какую значительную роль онѣ сыграли въ необычайно быстромъ развитіи и усовершенствованіи методовъ обогащенія рудъ. Но осуществленію этой лабораторіи мѣшало отсутствіе средствъ и постоянные отказы Мин. Нар. Просвѣщенія въ новыхъ ассигнованіяхъ Томскому Технол. Инсти-

4640.

туту, который почти съ самого основанія, благодаря попечителю учебнаго округа Лаврентьеву, приобрѣлъ въ глазахъ министерства репутацію революціоннаго гнѣзда, которому нельзя было довѣрять и которое всячески притѣсняли и урѣзывали. И только въ самые послѣдніе годы, уже при министрѣ гр. Игнатьевѣ, этотъ вопросъ получилъ наконецъ разрѣшеніе и лабораторія была устроена, хотя только въ скромномъ масштабѣ.

Съ начала 1909 до начала 1913 г. Л. Л. былъ деканомъ Горнаго отдѣленія. Лѣтнее каникулярное время Л. Л. нерѣдко посвящалъ поѣздкамъ на пріиски и рудники разныхъ мѣстъ Сибири и Урала для ознакомленія съ ихъ состояніемъ и новыми способами, примѣняемыми при разработкѣ; онъ побывалъ на рудникахъ Алтая и Салаира, на пріискахъ Южно-Енисейской, Ленской и Амурской системъ, на многихъ рудникахъ Урала; его особенно интересовало примѣненіе новыхъ механическихъ методовъ разработки золотоносныхъ россыпей посредствомъ драгъ и экскаваторовъ, примѣненіе компрессоровъ и перфораторовъ, буренія при развѣдкахъ россыпей и т. д. Зимой 1905—6 г. г. во время перевыва въ учебныхъ занятіяхъ, онъ управлялъ нѣсколько мѣсяцевъ одной изъ каменноугольныхъ копей въ Черемховскомъ бассейнѣ Иркутской губ. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ состоялъ также консультантомъ Россійскаго Золотопромышленнаго Общества и въ качествѣ такового посѣщалъ рудники и пріиски этого общества въ Сибири.

Зимой 1906 г. Л. Л. представилъ въ Горное Отдѣленіе въ качествѣ диссертации свой не задолго передъ тѣмъ вышедшій изъ печати отчетъ о статистико-экономическомъ и техническомъ изслѣдованіи золотопромышленности Амурской и Приморской областей. Въ качествѣ главнаго рецензента и будущаго оппонента на защитѣ диссертации Отдѣленіемъ былъ назначенъ преподаватель маркшейдерскаго искусства П. К. Соболевскій, какъ единственный горный инженеръ изъ состава Отдѣленія ближайшей къ горному искусству специальности. Послѣдній, разсмотрѣвъ отчетъ, заявилъ Отдѣленію, что этотъ трудъ совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ диссертации, такъ какъ не представляетъ самостоятельной разработки какого нибудь вопроса изъ области горнаго искусства. Отдѣленіе, къ сожалѣнію, согласилось съ этимъ заключеніемъ, не принявъ во вниманіе, что самъ рецензентъ, не имѣвшій никакихъ печатныхъ трудовъ, едва ли былъ достаточно компетентенъ въ оцѣнкѣ чужихъ работъ, и не назначило другое лицо, хотя бы не изъ своей среды, Л. Л. по своей чрезмѣрной скромности поторопился взять свою диссертацию назадъ и, обезкураженный этой неудачей, рѣшилъ оставить преподавательскую дѣятельность, почему и просилъ Отдѣленіе считать занимаемую имъ кафедру свободной и объявить на нее конкурсъ. Но лица выступившіе на конкурсъ не были избраны и Отдѣленію пришлось просить Л. Л. взять свое заявленіе обратно и остаться на кафедрѣ.

Забракованный рецензентомъ отчетъ Л. Л. съ формальной точки зрѣнія можетъ быть и не подходилъ къ обычному типу диссертаций, но представлялъ серьезный трудъ, въ которомъ обширный матеріалъ, собранный изслѣдователемъ, былъ не только классифицированъ и изложенъ систематически, но и освѣщенъ критически, такъ что въ итогѣ получалась достаточно полная и правильная картина современнаго состоянія золотопромышленности на дальнемъ востокѣ. И это критическое освѣщеніе вопроса могло служить темой для замѣчаній и возраженій оппонента, достаточно знакомаго съ золотопромышленностью. Но г. Соболевскій такимъ знакомствомъ совершенно не обладалъ, почему въ сущности и не могъ быть рецензентомъ и оппонентомъ; на мнѣ, бывшемъ въ то время деканомъ, лежитъ вина въ томъ, что я не обратилъ вниманія Отдѣленія на это обстоятельство и не предложилъ избрать другого рецензента, болѣе знакомаго съ темой труда, представленнаго въ качествѣ диссертациі.

Я полагаю, что это прискорбное недоразумѣніе было причиной того, что Л. Л., человѣкъ очень скромный и кромѣ того мнительный, совершенно потерялъ охоту къ опубликованію богатаго матеріала своихъ наблюденій на прискахъ и рудникахъ Сибири и больше не напечаталъ никакихъ работъ и не издалъ даже свои курсы „золотого дѣла“ и „обогащенія рудъ“, хотя въ рукописи таковыя у него имѣлись и студенты ими пользовались при подготовкѣ къ экзаменамъ. Мнительность и сомнѣніе въ своихъ силахъ были также главной причиной преждевременнаго и трагическаго конца жизни Л. Л., посвященной всецѣло горнопромышленности Сибири и преподавательской дѣятельности, которыя потеряли въ Л. Л. самоотверженнаго и преданнаго работника.
